

Марина Эльденберт

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Марина Эльденберт

Поющая для дракона

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2017
ARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Э53

Серия основана в 2011 году
Выпуск 293

Художник
Е. Никольская

Эльденберт М.
Э53 Поющая для дракона: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2467-2

В мире, где небо пронзают иглы небоскребов из огнеупорной стали, в мире, который когда-то был сожжен дотла, главенствуют иртыханы — повелители драконов. Им подчиняются, их боготворят, им никогда и ни в чем не отказывают. Ну как никогда, я вот умудрилась отказать местру правящей семьи. Знать бы, как теперь сохранить работу, свою жизнь и... себя.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марина Эльденберт, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2467-2

*Самым близким, которые всегда находят время
и нужные слова.*

*Читателям, вдохновляющим своей радостью
и комментариями.*

Эта история посвящается вам

ГЛАВА 1

Свет был приглушен, по залу Ландстор-холла тянулся туман сигаретного дыма, ближе к сцене пожираемый пятном света, в котором застыли мы с Дрэйком. Играл он божественно, но все смотрели на меня. Я же не могла избавиться от странного чувства, словно чей-то взгляд приклеился ко мне, как бирка-липучка с дешевой одежды. Вот только взгляд этот дешевым не был, он был жестким, цепким, внимательным: так смотрят поклонники, от которых потом очень непросто отделаться. Музыка лилась, сплетаясь со словами песни — так же, как сливались воедино запахи крепкого табака, элитного алкоголя и дорогой кожи.

Этот мир без тебя, детка,
Словно злая тюрьма.
Обними меня крепко... крепко,
Или дай мне сойти с ума.

Полы платья стекали вниз, открывая ноги и туфельки на высоком каблуке — вызывающе, на грани приличий. Я сидела на краешке рояля, обнимая пальцами микрофонную стойку, как если бы она была продолжением меня. Смотрела в зал, в темноту — на всех и ни на кого. На столики и на ложи, которые могли себе позволить только самые обеспеченные посетители. На прикрытые дорогих портьер, такими же затянут сцену чуть позже. На возносящиеся по бокам зала зеркальные витражи, внутри которых выюнами струились черные жилы узоров.

Там, где выжженный камень крошится,
Там, где море идет волной,
Целуй меня жадно... хороший мой,
Оттолкни или будь со мной.

На последних аккордах и музыка, и мой голос скользнули ниже, чтобы спустя миг затихнуть и раствориться в буре оваций. Дрэйк выскользнул из-за рояля — высокий, темнокожий и статный, подал мне руку, чтобы помочь спуститься. Свет в зале набирал силу, светильники рассыпали сияние, позволяя расцвести ярким нарядам женщин, подчеркивая фракы мужчин. Множество столиков, и все они заняты, сегодня не пустовала ни одна ложа. Я обвела их взглядом, послала в зал воздушный поцелуй и ослепительную улыбку.

— Спасибо! Спасибо вам всем за то, что пришли! Ландстор-холл любит вас! Я вас люблю!

Затихнувшие было аплодисменты грянули с новой силой.

Только один мужчина сидел неподвижно в центральной ложе, опираясь о перила — я видела его руку. А вот лица не видела, но почему-то казалось, что смотрел он в упор на меня. И от этого становилось не по себе.

— Мы тоже тебя любим, Бриаль! — взвизгнула подвыпившая светловолосая дама в сочном оранжевом платье. Уцепившись за своего спутника, она покачивалась на высоких шпильках, размахивая свободной рукой. Ей вторило еще несколько голосов, к которым присоединились со всех уголков зала, и несколько минут мы с Дрэйком принимали всеобщее обожание публики, после чего вместе покинули сцену.

Быстро шли по просторным освещенным коридорам, стены которых украшали фотографии певиц, выступавших в Ландстор-холле с открытия клуба. Я уже почти расслабилась, когда из-за угла вылетела Зетта — жгучая брюнетка с ярко-синими глазами. Тощая, как микрофонная стойка.

— Привет, малыш. Сыграешь мне сегодня, как никогда и ни для кого? — Она попыталась потреть Дрэйка по голове, но тот увернулся.

— Сыграю как обычно, детка.

— Весь выложился для нашей дорогой птички?

Я негромко кашлянула.

— О, — она повернулась ко мне и всплеснула руками, — прости, не знала, что ты здесь.

— Я тоже не сразу поняла, почему Дрэйк разговаривает со стеной.

Зетту знатно перекосило, а пианист откровенно захохотал, увлекая меня за собой.

— Да ну брось. Тебе не надоело?

— Надоеет, когда она перестанет ко мне цепляться!

— Никогда она не перестанет. Она заметно старше, а гри- мерная от цветов ломится у тебя.

— И что я по этому поводу должна сделать?

— По мнению Зет, на полном ходу выпрыгнуть из флайса на магистрала высшего уровня.

Теперь мы захохотали уже вдвоем. Правда, горло тут же дало о себе знать. Сейчас бы чего-нибудь теплого и смягчаю- щих леденцов в довесок. Кажется, где-то в сумочке у меня зава- лялись, надо будет поискать. И попросить, чтобы принесли теплой воды.

— Ты сегодня в ударе, — заявил он, открывая передо мной дверь гримерной. В Ландстор-холле не принято нести цветы на сцену, поэтому комната уже была завалена ими до самых две- рей. — Как ты это делаешь?

Пожала плечами.

— Просто я люблю петь.

Это правда. Когда выхожу на сцену, часть меня словно ока- зывается в другом мире. Песня льется помимо воли, я не про- сто чувствую то, что пою, я переживаю каждое слово. К тому же мой голос — все, что у меня есть. Точнее, все, чем я когда-ли- бо хотела заниматься, было связано с моим голосом. В детстве просто сходила с ума от записей Шайны Анж, оперной певицы, покорившей весь мир. Оперной музыкой я дышала, горела и жила, вот только с оперой не срослось. Пока не срослось, но ни- кто же не говорил, что я просто так сдамся.

— Ладно, Бри, оставляю тебя. До встречи.

— Счастливо! Позовешь Клари?

— Обязательно.

Дрэйк коснулся губами моей щеки, после чего, повернув- шись на каблуках, подпрыгнул и зашагал по коридору, насвис- тывая что-то себе под нос. Вот позер!

Захлопнув дверь, я доковыляла до зеркала и с наслаждени- ем стянула модные туфли с множеством ремешков. Сразу ощу- тимо уменьшилась в росте, уселась на стул и облокотилась о туалетный столик. Красота! Оковы пали, теперь хоть танцуй. Вот все люблю в своей работе, но к модельной обуви так до сих пор и не привыкла. Хотя когда-то мне казалось, что я не при- выкну к своему новому образу. И к сценическому имени

тоже — прилично времени ушло, пока я начала понимать, что Бриаль Бетрой и Леона Ладэ — одно и то же лицо. Ну или не совсем одно: макияж придавал мне по меньшей мере с пяток лишних лет, но мода диктовала свои правила. Да и попробуй выйди на сцену без подведенных глаз или без помады: сольешься с интерьером. Тонкие брови приходилось постоянно выщипывать и красить, а вот глаза у меня самого невзрачного цвета — светло-голубые. Спасибо Клари, которая искусно оттеняла их при помощи подводки и теней. Губы под ярким блеском становились более пухлыми, и временами у меня создавалось ощущение, что эта холодная красота — не моя.

В каком-то смысле так оно и было.

У-ух... Потянувшись, наклонилась, разминая ступни. Завтра у меня первый за много дней выходной, обязательно схожу на массаж! А пока вызову флайс — и домой. Покосилась на сумку, где завалялась коробочка с вожденными леденцами, но вставать не хотелось. Сейчас еще пару минут посижу, и будет мне счастье в виде смягчающей карамельки. Дотянулась до ближайшего букета, к которому прикрепили визитку, пробежала глазами и выбросила в урну. У меня правило: никаких свиданий с клиентами Ландстор-холла и никаких встреч с поклонниками. Потому что ничем хорошим это обычно не заканчивается.

— Леона? — Клари влетела в комнату и остановилась рядом со мной.

— Принесешь мне воды? Пожалуйста. Не слишком горячей и...

— Тебя зовут в VIP-ложу!

От неожиданности приподняла брови.

— Ты же знаешь, я не выхожу к клиентам. И правилами Ландстор-холла это не поощряется.

— Все так, но это особый гость эссы Обри, она меня прислала. И просила передать, что отказываться нельзя.

Нельзя отказаться?!

— Так и сказала?

— Так и сказала. Леона, поторопись, пожалуйста, а то мне влетит.

Вот тебе и смягчающие леденцы, и горячая вода, и ванна с массажем в придачу. Пришлось снова влезать в жуткие туфли, застегивать ремешки и улыбаться отражению. Глупо, навер-

ное, но для меня это что-то вроде приметы — не выходить на сцену, пока не улыбнешься в зеркало. А приглашение в ложу — все равно что выход на сцену. Хотя все это очень и очень странно, конечно.

Эвель Обри, хозяйка Ландстор-холла, придерживалась мнения, что приглашения от клиентов нужно выносить за двери клуба. Какими бы они ни были: личными или профессиональными, да любыми. Интересно, кому и зачем я сдалась? Теперь уже нет сомнений, что именно тот тип из ложи пялился на меня все выступление. С чего бы? В клуб иногда захаживали конкуренты — поглядеть на певиц, танцовщиц и музыкантов, но они обычно караулили вне этих стен. За последние полгода мне поступило четырнадцать самых разных «более выгодных» приглашений, но сомневаюсь, что эсса Обри согласится со мной расстаться и с радостью преподнесет меня на подносе кому бы то ни было. Потому что я приношу ей отличные деньги.

Мы шли по коридорам в другую сторону: чтобы попасть к ложам, нужно обойти клуб по кругу. Здесь свет уже был приглушен, поэтому фотографии на стенах просто мелькали перед глазами. Впрочем, в свое время я выучила их наизусть — даже даты выступлений, надписанные под ними, так что присматриваться не было ни малейшего желания. Куда больше меня волновало другое.

— Не знаешь, кто меня хочет видеть и зачем?

Клари покачала головой.

— Понятия не имею. Мне велели просто тебя пригласить. Там какой-то именитый гость, а уж что и как, не представляю.

На задворках души всколыхнулась надежда. Недавно у нас с Эвель состоялся разговор, и речь шла о долгосрочном контракте. Долгосрочные контракты заключали только с очень перспективными музыкантами, но мне не хотелось бы связывать себя такими обязательствами. Тем более что я не оставляла попыток найти лазейку в оперу, о чем и сообщила владелице Ландстор-холла. Она тогда сказала, что девочке с улицы в Мэйстонской опере ничего не светит, в чем я уже неоднократно убеждалась на собственном опыте. Ну а вдруг?.. Вдруг к ней пришел режиссер новой постановки или композитор и спросил обо мне?

От предвкушения слегка затрясло, даже руки похолодели. Когда настолько приближаешься к своей мечте, сложно оста-

ваться равнодушной. Мы как раз вышли в холл, в котором полукругом расположились двери, ведущие в ложи. Здесь было тихо, только охранники застыли у стен.

Клари постучала за меня, шепнула:

— Удачи! — и отступила, тряхнув белокурыми локонами.

А я шагнула в полумрак, где на диване, обитом черным бархатом, восседал мужчина. Оказавшись так близко от него, я снова ощутила на себе этот взгляд: изучающий, жесткий. Пальцы его постукивали по подлокотнику, а сам он рассматривал меня так откровенно и беззастенчиво, что все очарование мечты разом улетело куда-то в район нижнего жилого уровня. А вот его рассмотреть не представлялось возможным — лицо скрывала черная полумаска, разве что на резко очерченный подбородок пялиться? Но я решила — ему можно, а мне нельзя, что ли? Вот еще! С вызовом посмотрела в глаза, отмеченные серебристой каймой прорезей. Да будь он хоть трижды режиссер!

— Позвольте представить, Бриаль Бетрой, моя лучшая певица. — Голос эссы Обри звучал несколько заискивающе.

Я успела поймать челюсть до того, как она пробьет пол и окажется там же, где моя недавняя мечта: Эвель была женщиной жесткой и прагматичной. С подчиненными — резкой и требовательной, с клиентами неизменно обходительной, но умеющей настоять на своем. Сейчас же в ней явственно ощущалось волнение — да-да, мамой клянусь. И в том, как она схватила меня за руку, чтобы подвести ближе к бесценному гостю, и в том, как неосознанно поправила идеальную прическу, перехваченную шелковой лентой в тон ярко-зеленому платью. С ее рыжими, коротко стриженными волосами смотрелось на удивление гармонично, а вот я отказалась следовать моде в том, что касается волос. В итоге так и осталась с длинными, ниже плеч, которые просто скручивала изящным узлом.

— Оставьте нас.

Голос был под стать ему — холодный и жесткий.

Но самое главное, что Эвель беспрекословно подчинилась, напоследок наградив меня таким взглядом, под которым захотелось рухнуть — да-да, на самый нижний жилой уровень. Поскольку стоять мне не улыбалось, я просто села в кресло подальше от него. Какое-то время мы оба молчали, изучая друг друга, после чего он похлопал ладонью по дивану — рядом с собой.

Вот гад!

Я сделала вид, что меня это совершенно не касается: хочется ему, пусть дальше пыль выбивает. Поскольку тишина затянулась, закинула ногу на ногу и, откинувшись на спинку, поинтересовалась:

— Зачем вы хотели меня видеть, эссерд...

— Местр.

О. Ну теперь все понятно: иртхан.

Подозреваю, что высокородный, иначе не смотрел бы на меня сейчас так снисходительно. В нашем мире, где небо пронзают иглы небоскребов из огнеупорной стали, в мире, который когда-то был сожжен дотла, иртханов — повелителей драконов — всячески превозносят. Им подчиняются, им никогда и ни в чем не отказывают, отсюда и отношение к простым людям у них... соответствующее.

— Хорошо, местр. Так зачем...

— Подойди.

Он даже выразался короткими рублеными фразами — так, словно слов ему было жалко. Ну а лично мне для вас жалко своего времени. Терпеть не могу, когда со мной пытаются разговаривать в таком тоне.

— Для начала — подойдите. — Я не двинулась с места и в такт ему принялась постукивать пальцами по подлокотнику: надо отдать должное, это здорово помогало справиться с напряжением. — А дальше, если вам так хочется, почему бы не подойти самому. Я женщина, к тому же весь вечер на каблуках, видите?

Вскинула ногу и продемонстрировала ему двенадцатисантиметровую шпильку туфельки. От этого более чем откровенного движения полы платья расплескались, обнажая ноги. Вызывающе, но как есть. К сожалению, выражения его лица я разглядеть не могла, зато увидела, как уголки губ дрогнули и опустились. Вот и ладненько, вот и чудненько, вот и...

Он поднялся раньше, чем я успела вздохнуть. Поднялся и шагнул вперед, ладонь вызывающе медленно скользнула по моей вытянутой ноге — в каких-то миллиметрах от блестящей материи чулок, но у меня все волоски на коже встали дыбом. Красивые, ухоженные руки, длинные пальцы. Которые сомкнулись на подлокотниках, и я оказалась в ловушке. Если так подумать — можно было бы сползти вниз, на пол... нет, нельзя. Да и думалось плохо: высоченный, сейчас он лицом к лицу со

мной. Сердце подскочило к горлу, и где-то там и осталось, не пытаясь даже трепыхаться. Он смотрел мне в глаза, и теперь я даже могла разглядеть их цвет: изумрудные льдинки. Резкие скулы, уходящие под полумаску, жесткая линия губ — сразу понятно, что эти губы не привыкли целовать нежно. Скорее — сминать. Сильно, властно, без права на отказ.

Такие, как он, в принципе сминают всех и вся.

Если показать слабинку.

подавив желание вжаться в спинку кресла, легко уперлась пальчиком в его грудь.

— И что теперь, Бриаль? — В жесткие нотки вплеталась откровенная насмешка.

— Вы так и не представились, местр.

Он усмехнулся и снял полумаску.

А я чуть не поперхнулась воздухом: передо мной стоял Рэйнар Халлоран, глава правящей семьи Мэйстона.

— Возвращаясь к твоему вопросу. Что же мне нужно от певицы Ландстор-холла...

Его слова тоже сминали, вдавливали в кресло. А еще раздевали — безжалостно и бесстыдно, стягивая бретели платья с плеч, все ниже и ниже, резко обнажая грудь и разводя ноги. Обжигая своей властью и уверенностью в том, что я уже его — так, как ему того хочется. И сколько хочется. Несмотря на отделявшие нас от общего зала плотные шторы, я почувствовала себя обнаженной и раскрытой, на глазах у всех.

В ушах зашумело. Проклятый сексуальный магнетизм иртакнов, чтоб ему дракон все самое ценное отгрыз! Захотелось обрушить на голову Халлорана ведро со льдом, а следом бутылку охлажденного вина. И сверху украсить ягодкой, которые очень кстати лежали в вазочке. Вместо этого положила руки на плечи этому гаду, слегка подалась вперед, разводя бедра и позволяя ему в прямом смысле оказаться у меня между ног.

— Спеть на частной вечеринке?

Выражение его лица я не забуду никогда: оно вытянулось, как если бы ему сообщили, что на город обрушился косяк взбесившихся драконов.

— Простите, местр Халлоран, но я не работаю с частными клиентами. Поэтому не смогу поддержать ваше... семейное торжество. А теперь прошу меня извинить, — невинно улыбнулась и уперлась руками ему в грудь. — У меня очень много дел.

То ли он наткнулся на стол, когда вынужден был посторониться, чтобы уступить мне дорогу, то ли это его зубы так яростно скрежетнули. Даже щека как-то странно дернулась, но, к сожалению, Халлоран очень быстро взял себя в руки. Усмехнулся и нацепил маску — правда, не ту, в которой меня встретил. С таким лицом мейстр обычно говорил на камеру, я ведь частенько видела его на экране визора — уверенность, сила и благоденствие. Ослепительная улыбка и знание, что мир принадлежит ему. Что все будет так, как он пожелает.

Только не сегодня.

Поскольку желание расколотить о его голову бесценную бутылку не прошло, прошла я. К дверям, за которыми совсем недавно стояла в обнимку со своей дурацкой надеждой. Его взгляд ощутила всей кожей: он скользнул по плечам, по оголенной спине и ниже.

— Предпочитаешь петь для публики попроще?

— Пою только для тех, кого считаю достойным, — выделила последнее слово и яростно рванула дверь на себя.

— Для меня ты споешь особую песню, Бриаль. Раньше, чем думаешь.

Ага, десять раз. Жди.

Надеюсь, грохот захлопнувшейся двери в полной мере отразил ему мое почтение.

По коридорам я летела так, что встречавшиеся мне на пути даже не пытались заговорить, а оказавшись в гримерной, начала быстро собираться. Вызвала флайс, наскоро покидала в сумку одежду — переодеваться не хотелось, хотелось как можно быстрее и как можно дальше оказаться от Ландстор-холла. Как можно дальше от Халлорана, драконы его раздери. Угораздило же!

Успокоилась, только когда флайс взмыл с посадочной площадки. Назвала водителю адрес и откинулась на сиденье, разглядывая мелькающие за окном виды. Мэйстон, как и все города нашего времени, построен уровнями. Мы шли по центральной магистрали, откуда отлично просматривались и бедные районы (тусклые пятна уличного освещения внизу, где дома насаждают один на другой), и сияющие башни небоскребов, в которых одной семье принадлежит сразу несколько этажей. Огни были повсюду: и бортовые — флайсов (в такое время центральная магистраль уже немного разгружена), и рекламных

вывесок-голограмм, и усыпанных блестками окон стальных игл высоток. Ограничители магистралей переплетались между улицами, перекинутые над Гельерой мосты изогнулись монументальными стальными опорами, впереди виднелся монолитный купол Совета Правления — именно там происходили встречи правящих семей.

В салоне было тепло и пахло химическим освежителем — вроде «натуральная древесная свежесть», но я снова и снова возвращалась в кондиционированную прохладу ложи, снова натыкалась на снисходительный прищур Халлорана и чувствовала исходящую от него силу. Сила у иртханов в крови, особенно у высших. Что ни говори, а именно благодаря им люди сейчас живут на земле, а не под землей, как когда-то.

— Нет, вы только гляньте-ка. Снег!

Водитель, темнокожий подвижный паренек, указал на лобовое стекло. Туда и правда липли снежинки, одна за другой: крупные, с растопыренными пальцами, они расползались пушистыми кляксами и тут же таяли.

— Рановато, — не унимался водитель. — Еще ж два месяца до Смены времен.

— Красиво.

— Что правда, то правда, эсса.

Снег усилился, в пелене белоснежных вихрей город выглядел сказочно. Примерно так же он выглядел год назад, когда мы с Вальнаром целовались на Центральном мосту. Только тогда снежинки таяли на наших щеках. А еще было довольно забавно слизывать их с губ — своих и его.

— Грустите? — Водитель подмигнул мне в зеркале заднего вида.

— Нет.

Нет у меня привычки грустить. Особенно по тому, что прошло безвозвратно.

— Вот и правильно. Такой красавице наверняка очень идет улыбка.

Я улыбнулась, и парень вскинул руку с поднятым пальцем.

— Так-то лучше.

Повезло, добрались быстро. Из-за снегопада обычно встает центр, а я снимаю квартиру на Четвертом острове. Не совсем окраина, но район тихий. Если окна поплотнее закрыть, не слышны даже колебания воздушных потоков из-за движения

флайсов. С соседями тоже повезло. Мне. Они не всегда согласны, что повезло им: я иногда распеваюсь перед выступлениями дома, а Танни постоянно врубает свою музыку, если можно так выразиться, на полную громкость. Из-за чего мы с ней неоднократно ругались. Вот и сейчас из квартиры громыхало так, что захотелось заткнуть уши шпильками. Как раз теми самыми, поглубже. О том, что забыла переобуться, я вспомнила, когда расплачивалась с водителем и дверца отъехала вверх. Мои новенькие полусапожки на платформе остались в гримерной, я топала от парковки к лифту в вечерних туфельках, то и дело норовя поскользнуться в тающей жиже. Снежинки липли на чулки, а я куталась в пальто и ругала Халлорана последними словами.

Из-за него ведь все, дракон недоделанный!

От жуткого мощного «унц-унц-унц» подпрыгивала даже мебель в прихожей. Вместе с ней подпрыгивал мой желудок, в котором с самого обеда ничего не было, декоративные вазочки над электрическим камином и наша с Вальнаром фотография на фоне Мэйстонского парка. Я не убрала ее только потому, что не хотелось объясняться с младшей сестрой, Тан — та еще язва. Но рано или поздно это придется сделать, да и с собой не помешало бы объясниться. В том, что все между нами кончено. Это правда. И обжалованию не подлежит.

— Танни! Тан! — Сбросив обувь и пальто, взлетела по лестнице.

Квартира у нас небольшая, но двухэтажная и чистая, с новым ремонтом: на первом этаже просторная гостиная, столовая и кухня, на втором — наши с сестрой спальни. Аренда стоит прилично, но пока что я в состоянии оплатить такое жилье. Через пару лет Танни окончит школу и поступит в Академию, тогда и подумаю о покупке собственного. Может быть, даже поближе к центру.

— У... а... вь... гмксть... — единственное, что я услышала из своих слов, когда открыла дверь и в лицо мне ударили раскатистые басы.

Сестра валялась на кровати поверх покрывала — в своем любимом линялом свитере и джинсах, даже ботинки не сняла. Фиолетовые и розовые пряди торчали в разные стороны среди натуральных черных, она листала какой-то журнал и даже не обернулась. Да, сдается, кто-то еще не раз пожалеет, что пошел

на поводу у взбалмошной девчки и купил ей на день рождения новую супермощную стереосистему.

— Танни!

Пришлось топтать до колонок с зажатыми ушами и вырубать самой.

Танна недовольно дернулась, обернулась — изо рта у нее торчала палочка от леденца.

— А, эфо фы. Пфифет.

— Кажется, я тебе говорила, что этот засранец Лансаро обещал на нас нажаловаться хозяйке.

— Когда в слефууфий фаз... — Сестра все-таки удосужилась вытащить леденец, помахала им и продолжила: — Будет обещать, покажи ему это. — Она оттопырила средний палец. — Или позови меня, если стесняешься.

— Когда в следующий раз я приду домой и услышу этот кошмар, стереосистема отправится на помойку, — мило улыбнулась я. — Наушники тебе зачем покупала?

Танни скривилась.

— Есть не слушать музыку на полную громкость, есть слушать музыку в наушниках. Еще приказы будут или можно дальше расслабляться?

— Уроки сделала? С Марром погуляла?

Марргент — виар, трехцветный карликовый дракон, которого я подобрала на нижних уровнях только-только вылупившимся. Как такой малыш попал на улицу — непонятно. Вообще-то полагалось заявить о найденныше и поставить подчиняющий кристалл, но мы на удивление быстро подружились, поэтому я решила обойтись без таких мер. Не хотелось превращать дракончика в зависящее от себя безвольное существо, как поступают желающие обзавестись питомцем люди.

— Сделала, погуляла. — Сестра сунула леденец в рот. — Теферь дфыхнет на тфоей кфовати.

Все как всегда.

Вздохнула и пошла к себе.

Марр действительно оказался в спальне, устроил себе гнездо из одеяла. Почувствовав меня, широко распахнул огромные желтые глаза и заверещал. Встрепенулся, распушился и радостно прыгнул вперед, чудом не сбив с ног. Это только с виду они маленькие и беззащитные, а силищи в них хоть отбавляй. Да и инстинкты драконьи, поэтому кристаллы для домашнего

содержания рекомендуют ставить, даже если владельцы иртеханы. Спокойнее и безопаснее.

— Сейчас покормлю, — сказала, падая на кровать.

И себя тоже сейчас покормлю.

Виар с громким урчанием запрыгнул на постель и принялся бодать мою руку. Жалюзи были открыты, и город с высоты квартиры рассыпался огнями в снежной пелене. Где-то там остались и Ландстор-холл, и Халлоран, и все это было далеким-далеким. А вот внимания продолжали настойчиво требовать, поскребывая когтистой лапой по покрывалу и облизывая огненно-горячим шершавым языком ладонь. Пришлось чесать — над лобовыми чешуйками, скрытыми под шерстью, и слушать довольное пыхтение. Под это пыхтение с мыслями о том, как же хочется есть, я на пару минуточек закрыла глаза.

ГЛАВА 2

Утро началось внезапно: я неудачно повернулась и зацепилась волосами за браслет закинутой под голову руки. Ощущения были не самые приятные, поэтому на пробуждение много времени не ушло. Пытаясь отцепить несколько злосчастных волосинок, запутавшихся между звеньями, я обнаружила, что забыла не только раздеться и умыться, но и заползти под одеяло. Так что заботливо принесенный Танни плед пришлось очень кстати — сейчас я не напоминала гигантскую мурашку на ножках. Поверх пледа валялась шайбочка для голосовых сообщений, «заговорившая» под легким прикосновением: «Марра накормила, ушла в школу. Хорошего дня, страшилище».

Вот такая очаровательная у меня сестра.

Впрочем, когда я подошла к зеркалу, поняла, что в чем-то она права. Макияж размазался по лицу — то ли из-за снега, то ли из-за того, как сладко спалось. Половина шпилек из волос высыпалась на кровать, поэтому сейчас несколько прядей падали на плечи, а другие торчали в разные стороны, напоминая клубок вязальщицы. Остатки я вытащила и положила на туалетный столик, за ними последовал гребень. Волосы у меня не то чтобы очень длинные, но ухода требуют много. Особенно если учесть, что я их крашу.

В сумке завибрировал телефон, но я решила, что, кто бы там ни был, подождет. По крайней мере, пока я не стану похожа на человека. Спустила бретельки платья, позволяя ему упасть на пол, и пошла умываться, по дороге снимая украшения.

Надо же было так отключиться! И ведь не сказать, что особо поздно вернулась, — наверное, просто сказывается работа почти без выходных. В последние месяцы мои выступления пользуются особым спросом, и я этим тоже пользуюсь. Ну а что, деньги в наше время лишними не бывают. Наряды и косметику я покупаю сама, не стоит уточнять, во сколько обходятся услуги косметолога и парикмахера. А мне еще за обучение сестры платить. И не только за обучение: если представить, сколько всего нужно подростку, волосы встают стройными рядами.

Заперты двери на сотни замков, —

шагнула в душевую, с наслаждением открыла воду, подставляя лицо сильным упругим струям, —

но даже так, дорогой, не спастись от оков...

Действительно, кому же еще петь в душе, как не мне.

И если вспыхнут огнем небеса,
не бойся, любимый, смотри мне в глаза...

Горьковатый ореховый аромат, смешанный с ванилью, обволакивал. И очень некстати напомнил холодный резкий аромат парфюма, исходивший от Халлорана, когда он ко мне наклонился: в нем тоже были запоминающиеся миндальные нотки.

Да чтоб тебя! Любимый шампунь и гель для душа, которые неизменно помогали расслабиться, сегодня почему-то не спасали. Стоило вспомнить насмешку в зеленых глазах, как я начинала заводиться. Никогда ведь со мной такого не было, ни-ко-гда! Чтобы два дня думать про одного и того же ирт... хама, который, видите ли, возомнил себя центром мира. Ладно бы еще центром Мэйстона, хотя хрена с два он вообще центр. Так... центрик. Эпицентрик. Эгоцентрик.

Самоуверенный засранец, вот он кто!

Я повесила мочалку на крючок и выключила воду.

После душа всегда чувствуешь себя заново рожденной. Особенно когда сидишь на барном стуле, потягивая ароматный кофе и заедая его йогуртом с фруктами. Разглядывая залитые солнцем, утыканые иглами высоток острова, плотно залива, идущего бурунами, и ленты магистралей, переплетающиеся восьмерками и самыми разными фигурами.

Марргент устроился рядом в надежде, что ему что-то перепадет, но ему не перепало. Зареклась его кормить со стола, если начнешь потакать, потом вообще не отвяжется. Жрет он все и без остановки: начиная от хлебных корок и яблочных чипсов, заканчивая морковкой и мясом. Можно все вместе, можно по отдельности. А главное, совсем при этом не толстеет. Понятия не имею, как ему это удается.

Чем дальше, тем больше и печальнее становились глаза виара. Прямо-таки наполнялись слезой.

— Нет, — сказала я решительно и указала на миску размером с таз, которую надо бы помыть.

Меня тронули лапой и сиротливо вздохнули. Чешуйки на голове умильно поднялись, шерсть над ними раскрылась цветочком. Эта пушистая зараза прекрасно знала, на что давить, и тоже неплохо этим пользовалась. Цвета в нем три: черный, рыжий и белый, соединенные природой в картину рожденного художника. Говорят, что такие виары приносят счастье. Мне он пока что приносит только умиление и желание тискать до умопомрачения. Хотя Вальнару он тоже нравился. Но не взаимно.

Так.

Не думать о бывшем. Не думать о мужчинах. Вообще не думать.

Выходной у меня сегодня или где? Пройдусь по магазинам, загляну в салон к Лэмерти, а вечером устрою себе праздник отупения — буду валяться на диване, есть замороженный клубнично-шоколадный крем и бездумно пялиться в визор.

Перевела взгляд на портрет Шайны Анж, который заказала полгода назад. Черно-белый, он идеально вписался в цветовую гамму и интерьер кухни. Красивый женский профиль, длинные волосы, рекой стекающие на плечи. Вот на кого мне хотелось быть по-настоящему похожей.

Она стала самой молодой певицей, которая оказалась в опере на главных ролях, ею восхищался весь мир. Шайне припи-

сывали долгий роман с высшим ир்தханом. Правда, развития эта сплетня не получила: в один прекрасный день эсса Анж вышла из оперного театра, села во флайс и пропала.

В мыслях я оказалась довольно далеко от Мэйстона, поэтому пронзительная трель звонка, эхом пролетевшая по квартире, заставила подпрыгнуть. Танни ключи забыла? Хотя нет, времени еще мало, у них занятия в школе позже заканчиваются. Спрыгнув со стула прямо в белые пушистые тапочки, прошлепала в просторный светлый холл.

И опешила: на пороге стояла Эвель Обри собственной персоной.

— Леона, почему ты не отвечаешь на звонки?

У-упс. Ну забыла про телефон, с кем не бывает.

— Я звонила тебе все утро.

Начальница выглядела недовольной. Хотя нет, недовольной — это слабо сказано. Идеально выщипанные рыжие брови сошлись на переносице, хотя хмуриться она не любила: это же прямой путь к морщинам. Не дожидаясь приглашения, шагнула в холл и скинула темно-зеленое длинное пальто прямо мне на руки. Которое я незаметно скинула на подставку для перчаток — что я ей, вешалка, что ли?

— Хотите кофе?

— Нет. Ты же знаешь, у меня нет времени на эти глупости.

Уже больше похоже на Эвель: у нее времени вообще ни на что нет. Где-то в перерывах она умудряется жить.

— Где мы можем серьезно поговорить?

— Проходите в гостиную, — кивнула я.

Не потрудившись снять сапожки, она процокала каблучками по плитке и затихла, только когда обувь утонула в белоснежном ковре. Выглядывавший из кухни виар, которому строго запрещалось ступать на ковер сразу с улицы, смотрел на это непотребство с любопытством. Видимо, не понимал, почему ей можно, а ему нет. На него владелица Ландстор-холла взглянула брезгливо и с опаской, подтянула повыше подол изумрудного платья миди и села. Идеально прямо, обхватив руками колени.

— Ты поставила меня в очень неловкое положение, — начала она, прежде чем я успела сесть. Где-то так, в полусогнутом, меня и застала следующая фраза. — Перед мастером Халлораном.

— Я не...

— Когда отказалась петь на его семейном торжестве.

Я плюхнулась на диван с размаху, совсем не изящно. Вот тебе и не думать о мужчинах.

— Наверное, не стоит объяснять, какое он занимает положение в обществе?

— Эвель, — осторожненько сказала я. — Он собирался разложить меня прямо в ложе.

Начальница скривилась, словно в ее коктейль перелили ликера лица.

— Не груби. Тем более что речь шла вовсе не об этом.

— Не об этом? — Я взвилась. — Я не первый день на свете живу, и...

— Детка, чтобы добиться успеха, иногда приходится поступиться собственными принципами.

От неожиданности я утратила дар речи.

— Сейчас у нас с тобой очень неприятная ситуация. Местр Халлоран не доволен твоим вызывающим поведением, и я прекрасно его понимаю. Иногда ты действительно откровенно дерзишь.

Кровь прилила к щекам. Чтобы не наговорить лишнего, пришлось скомкать халат.

— Разве?

— Да. Зетта неоднократно жаловалась.

Ну кто бы сомневался! Правда, Зетта могла жаловаться с тем же успехом до глубокой старости, если бы на горизонте не нарисовался этот долбаный, дракон его дери, Халлоран и не решил меня поиметь. А когда не получилось, в отместку решил усложнить жизнь. Проще не бывает! Ух, драконище драное! И ведь специально заговорил про семейное торжество. Не только драное, но и злопамятное.

— Завтра вечером твое выступление. Ты извинишься перед местром и...

— Нет.

— Что, прости? — Брови Эвель изумленно приподнялись.

— Нет, я не стану перед ним извиняться. Это он вел себя как хам. И если у него не хватает мозгов и сил это признать, то пусть катится под хвост дракону.

Лицо начальницы пошло красными пятнами.

— Как ты смеешь так меня подставлять?

— Вы тут ни при чем. — Я поднялась, и Эвель поднялась следом — медленно распрямляясь, как натянутая до предела пружина. — Вы не несете за меня и мои действия никакой ответственности, у нас даже постоянного контракта нет.

— Вот именно. Советую тебе об этом помнить, когда будешь беседовать с мастером Халлораном.

Э-э... что?

— Вы только что обещали меня уволить?

— Ну что ты, милая. — В голосе ее звучал металл. Она сложила холеные руки на плоской груди, глядя на меня сверху вниз — благо рост позволял. — Я просто намекнула на возможные последствия некоторых опрометчивых поступков.

Угу. Более чем однозначный ответ.

— Вы не сможете отказать мне в месте! Я ваша лучшая певица, у вас все афиши с моим именем.

— Афиши можно заменить. — Эвель шагнула вперед и погладила меня по щеке. — Поверь, милая, мне бы очень не хотелось с тобой расставаться. Но, если ты не оставишь мне выбора, я ничего не смогу поделать. Под моей крышей не будет петь женщина, которая не умеет себя вести.

То есть раздвигать ноги перед первым встречным? Потрясающе!

И никакой тебе женской солидарности.

— Понимаю, в твоем возрасте еще многое решает импульсивность. Поэтому я даю тебе время подумать до завтра. Ты умная девочка и, я больше чем уверена, примешь правильное решение. Не провожай, вижу, ты еще только проснулась.

Цоканью каблуков вторил скрежет когтей виара, который направился ко мне. Дверь за ней закрылась, а я все еще стояла и хлопала глазами, не в силах поверить в услышанное. Конечно, Эвель Обри мне не мать, не сестра и даже не подруга, но... по почему-то мне казалось, что, случись что-то подобное, она примет мою сторону. Тем более что она сама не раз намекала на то, что личные отношения лучше не смешивать с работой. Видимо, все правила и принципы дают сбой, если дело касается иртыхана из правящей семьи.

Торчать как распределитель движения на магистрали мне надоело, я снова плюхнулась на диван, подтянула под себя ноги. Марр запрыгнул рядом, заурчал, успокаивая. И хотя ему строго-настрого запрещалось забираться на мебель, сейчас я

просто обняла его и уткнулась носом в пушистую мощную шею.

Извиниться, говорите? Отлично!

Мне сказали до завтра подумать, но никто же не говорил, что нужно ждать до завтра. Его высочайшее иртвамство оскорблено? Значит, немедленно поедем приносить ему свои извинения. А то мало ли как далеко зайдет его обида до завтрашнего вечера.

Недолго думая вызвала флайс и распахнула двери шкафа. Натянула первые попавшиеся линялые джинсы, в которых гуляла с Марром, облегающий серо-голубой свитер под горло, вбила ноги в присборенные на голенищах замшевые полусапожки на тонкой подошве и устроилась на окне — ждать транс-порт.

Офис высшего иртвамана располагался в самом центре, в элитной многоэтажке, на крыше которой даже дракон хлопнется в обморок от высоты. Комплекс небоскребов с центральным шпилем, сплавленных воедино и объединивших в себе компании «Халлоран индастриз», виден даже из нашего района. Рядом с ним терялись самые солидные высотки, по утрам скрывающие солнце, а ночью — восход обеих лун. Ощущение близости было очень и очень обманчивым: лететь далеко. Особенно днем и в пробках.

Ничего, как раз после обеда доберусь.

На этот раз водитель мне попался неразговорчивый и какой-то дерганый: постоянно сигналил пытающимся обогнать нас и пристроиться впереди флайсам. Нам тоже сигналили, иногда мы резко срывались вперед и чудом не целовались с задними габаритными огнями впереди идущих. Но добрались все-таки без приключений: стоя у подножия небоскреба Лаувайс, я запрокинула голову. Блеск металла и блики огнеупорного стекла, стремительно уходящие ввысь и теряющиеся под облаками. Даже здесь, внизу, дух захватило. От высоты голова кружилась, и представлять не хочу, сколько в этой башне метров.

Да и не за этим я здесь.

Огромные стеклянные двери распахнулись, пропуская меня в холл. Просторный, в серебристо-стальных оттенках, с вкраплениями черного и темно-красного. Седой охранник за стойкой слева поднял голову, огоньки электронной проходной

под детекторами оружия выразительно мигали желтым. Примерно так же мигали его глаза, в которых однозначно застыл вопрос: что девчонке в дутой курточке, со стянутыми в хвост волосами понадобилось *здесь*. Девчонке, у которой в руках нет никаких документов. Признаю, в таком наряде и без макияжа я вполне могла сойти за курьера, читай девочку на побегушках.

— Что вы хотели, эсса?

— К местру Халлорану. Пришла договориться о выступлении на семейном торжестве.

Не пропустят — так хоть повеселюсь. Представляя себе физиономию Халлорана, когда ему обо мне сообщают.

— Вам назначено?

— Да.

Наглость — вторая радость. Главное сделать морду монолитом.

— Могу я взглянуть на ваши документы?

Я вручила ему карточку-идентификатор, и он незамедлительно сунул ее под детектор.

— На ваше имя не бронировали пропуск, эсса Ладэ.

— Позвоните секретарю. И пожалуйста, не заставляйте мастера ждать, а то он очень переживает по этому поводу. Меня уже обещали уволить. Кстати, пока мы тут тянем время, с вами может случиться то же самое.

У охранника отвисла челюсть. Буквально. Немного опустилась вниз, отчего круглое добродушное лицо вытянулось. Пока он решал, не сошла ли я с ума, звонил секретарю и интересовался моей скромной персоной, облокотилась о стойку и разглядывала холл. Ничего себе так холл, в нем можно презентации устраивать. Хотя что-то мне подсказывало, что для презентаций здесь есть место попрезентабельнее. Люди сновали как заведенные, за моей спиной то и дело приветливо щелкали электронные проходные, скоростные лифты возносили на этажи и возвращали вниз многочисленных сотрудников, гостей и деловых партнеров. Над лифтами герб Халлоранов — красный дракон на черном фоне. С раскинутыми крыльями, которые подсвечены серебром — так же как гребень и кончик хвоста.

— Эсса Ладэ, позвольте ваши документы еще раз.

— С превеликим удовольствием.

Охранник опустил карточку в считывающее устройство и, когда мои данные записали в систему, все-таки соизволил вы-

дать электронный пропуск. Как раз в тот момент, когда я прочитала его имя на бейдже.

— Кабинет мэтра на сто двадцать третьем этаже. Лифт дальше по коридору, иначе придется идти по перекидному мосту, а это не всем нравится. Пропуск на час, если потребуется задержаться...

— Не думаю, что этот вопрос потребует у меня много времени, эссерд Терн. — Я одарила его очаровательной улыбкой, и охранник расплылся в ответной. Правда, получив воздушный поцелуй, тут же подобрался и принял официальный вид. — Спасибо, вы просто душка.

Желтый крестик сменился красной стрелочкой, и обитель Халлорана распахнула мне свои объятия. Вопреки совету охранника, на этаж решила подняться сразу. Двери лифта с мелодичным звуком сомкнулись; прислонившись к стене, я смотрела, как стремительно отдаляется земля и аэромагистралы превращаются в нитки, а рекламные щиты в крохотные квадратики. Пассажиры стояли с напряженными сосредоточенными лицами — видимо, были отсюда очень далеко, в мире цифровых документов и электронных подписей. Только один молодой человек непрестанно дергал галстук, словно ему не хватало воздуха. Он был бледен, как большая луна, над губой выступили капельки пота. Высоты, что ли, боится? Протиснулась ближе к стеклу, оттесняя его назад, и услышала, как парень вздохнул с облегчением.

Этаж, на котором я оказалась, был оформлен в тех же тонах. Перекидной мост представлял собой стеклянный, полностью прозрачный тоннель, из-за чего создавалось ощущение, что идешь по воздуху или по натянутой на небывалой высоте невидимой ленте. Лишь на миг опустила взгляд и тут же пожалела: мир внизу казался игрушечным, нереальным. На всякий случай решила смотреть только прямо перед собой. Ветер на такой высоте сильнейший, и сейчас он отзывался мелодичным гулом, отраженным от стекла. Иногда начинало казаться, что хлестни порыв посильнее — и коридор зашатается, как трубка в домике для грызуна. Навстречу мне изредка попадались сотрудники Халлорана — видимо, такие же экстремалы, как я.

Сердце скакало вприпрыжку, и мне хотелось бы думать, что исключительно из-за высоты. Вот только чем ближе я подходила к кабинету, тем сильнее начинало потряхивать. Ладони

стали потными, по позвоночнику пробежал пугающий холодок, неожиданно отозвавшийся дрожью под ложечкой. Захотелось развернуться и дать деру, вместо этого я ускорила шаг.

В нужном коридоре бодро пролетела мимо вереницы дверей, снабженных электронными замками, пока не оказалась в приемной. У иртыхана было два секретаря — почему меня это совсем не удивляет?.. Молодой человек как раз принимал документы у подошедшего курьера, а симпатичная светловолосая девушка, заметив меня, поднялась. Деловой костюмчик с иголки на ней сидел как влитой. Идеально гладкие волосы были подстрижены так, чтобы доставать ровно до подбородка — по последней моде. Они заключали изящное личико в аккуратную рамку, делая ее похожей на куколку.

— Добрый день. Эсса Ладэ?

— Верно. У меня встреча с местром Халлораном.

Девушка кивнула.

— Он просил вас немного подождать.

— Неужели? Думала, это он меня ждет. Меня. Или моего покаяния. — Теперь уже к разговору прислушивались курьер и второй секретарь, с явным интересом. Старательно делая вид, что не смотрят в нашу сторону.

— Простите?

— Да, все правильно. Это то, ради чего я пришла. Сказать всего одно короткое слово — простите, но оч-чень выразительно. Так вы сообщите обо мне?

Глаза у девушки стали большие-большие. Не знаю, чем закончился бы этот диалог, но дверь в кабинет высшего открылась, и оттуда вышел Халлоран собственной персоной. Куда только подевалась вальяжная фривольность: подтянутый, при костюме, не мужчина — скала на ножках. И ростом со шкаф, в котором стояли архивные диски. Ну ладно, шкафу он уступал. Самую малость. А вот глаза его мигом превратились в две узенькие щелочки, иртыхан смотрел так, словно я была опасной галлюцинацией.

— Здравствуйте, — сказала галлюцинация и помахала рукой. — Я извиниться. К вам можно?

Его ноздри едва уловимо дрогнули, и... все! Даже в лице не изменился, отступил в сторону и указал мне на дверь. Приглашающим широким жестом.

— Прошу.

— Ой, спасибо. Ничего, что я не на коленях?..

Немая сцена закончилась достаточно быстро: Халлоран оказался позади и резко шагнул вперед. Я влетела в кабинет так шустро, что даже на секретарей не успела оглянуться.

— Что за спектакль ты устроила? — привычно глядя на меня сверху вниз, холодно поинтересовался он.

Если так подумать, у него просто талант подавлять. Я почти физически ощутила, как вырастаю в пол и уменьшаюсь в размерах. При свете дня ир்தхан почему-то выглядел еще более внушительным. А вот жесткий взгляд привычно пробежался по мне: оценивая от макушки, от собранных в хвост волос, до полусапожек. Захотелось отступить на несколько шагов, желательнo в приемную. Лишь усилием воли заставила себя остаться на месте.

— Вы же хотели шоу в моем исполнении. Понравилось?

Халлоран приподнял бровь.

— Ты еще не поняла, девочка? — Его голос скользнул по коже с нежностью завернутого в бархат лазерного ножа. — Условия ставлю я. И только я решаю, когда ты будешь передо мной извиняться. И как.

От этих интонаций по телу прошла удушающе-жаркая волна. Ир்தханы с детства тренируют голос — на случай беседы со зверем, когда один неверный звук может оставить от тебя горстку пепла или мокрое место. Но сейчас я на себе ощутила все прелести низкого, обволакивающего властного тона. Не оставляющего ни малейших сомнений в том, кто хозяин ситуации, подчиняющего и лишаящего воли. Не знаю, как он говорит со своими подчиненными — если он с ними вообще говорит, — но я бы на второй день уволилась, даже если бы мне за месяц предложили оклад как за год ежевечерних выступлений в Ландстор-холле.

— Оставьте меня в покое! — Я уперла руки в бока и посмотрела на него, как совсем недавно смотрела на шпиль его высоты. — Вы не трогаете меня, я не трогаю вас. Все честно.

— Неужели? — Пальцы жестко сомкнулись на моем подбородке.

Во рту неожиданно пересохло. Там, где его рука касалась моей кожи, словно полыхало пламя, и оно жидким огнем растекалось по всему телу. Сумасшедшее наваждение и гипноти-

ческий взгляд, под которым в самом низу живота раскрывался алый цветок бесстыдного животного желания.

— Не смейте делать это со мной!

Я рванулась и от души влепила ему пощечину, а в следующий миг оказалась с силой прижата к его груди со сведенными за спиной руками. Вывернутыми так, что на глаза навернулись слезы. Пошевелиться не могла — боялась, что распрощаюсь с левым запястьем. Оно, кстати сказать, уже горело, так же как и его щека.

— Вы сломаете мне руку. — Голос почему-то сел и стал еще ниже привычного.

В глазах иртехана полыхнуло пламя, на миг делая их похожими на брошенные в огонь драгоценные камни.

— В следующий раз так и сделаю. — Уголок тонких губ приподнялся. — Подумай об этом перед тем, как замахнешься снова, Леона.

Уже и имя мое настоящее знает! Как у них все быстро, у вышних.

— Мне больно! — прошипела я.

— Об этом ты не подумала, когда шла сюда?

Запястье недвусмысленно намекало, что не против принять привычное положение: на нем словно кандалы раскаленные защелкнулись, которые с каждой секундой все сильнее вплавились в кожу. Отчасти так оно и было: высшие иртеханы способны управлять температурой собственного тела. Неожиданно хватка ослабла, а потом меня жестко перехватили за талию и подтолкнули к панорамному окну. Во время совещаний, когда все места за длинным столом заняты, его, должно быть, закрывали жалюзи. Сейчас же вид из окна открывался головокружительный: центр и острова Мэйстона, залитые солнцем. Гельерский залив блестел, как отполированное зеркало. Вся жизнь осталась внизу, а здесь, под облаками, царил бесконечный холод. Столь же яркий и обжигающий, как слепящие глаза лучи. Точно так же ладони обжигало прозрачное стекло: я положила на него руки, чтобы чувствовать, что между высотой и мной есть хоть какая-то преграда. Колени подрагивали.

— У тебя потрясающий голос, — шепнули мне на ухо, опая горячим дыханием шею. — Завораживающий. Глубокий. Невероятный. Но это все, что у тебя есть, правда?

Контраст получился слишком ярким, а удар — точным. Возможно, потому, что полностью отражал мои чувства. Рванулась, но оказалась бесцеремонно прижата к стеклу сильным мужским телом. Браслеты пальцев снова сомкнулись на моих руках. Перстень-печатка с гербовым драконом вплавился в кожу, наверняка синяк останется.

— Отпустите, или я закричу.

— Не закричишь. Ты для этого слишком гордая, девочка.

— Вы ничего обо мне не знаете, — выдохнула в стекло.

В отражении на город наступал его кабинет. Стены, дипломы, награды и благодарственные письма застыли в воздухе вместе со стеллажами. И точно так же застыли мы, касаясь своих двойников. Халлоран смотрел в глаза моему зеркальному близнецу, и от гипнотического звериного взгляда по коже бежали мурашки. Его запах — горьковато-терпкий, как вымоченный в крепком алкоголе миндаль, властность и низкие рокошущие интонации творили что-то странное. Иначе как объяснить, что мне хотелось податься назад, сильнее прижаться к иртыхану?

— Давай проверим. — Пальцы поглаживали ставшую чувствительной кожу запястий. От этих прикосновений по телу будоражающим теплом разливалось томительно-сладкое напряжение. — Бриаль Бетрой, настоящее имя Леона Ладэ. Двадцать три года. Окончила обычную и высшую вокальную школу, потому что мечтала петь в опере. Но с оперой не сложилось, и ты решила попытать счастья попроще. Певица в престижном клубе — самый легкий вариант, если хочется быстрых денег. Для своих лет ты весьма популярна.

— Читать умеете, — хмыкнула я. — Все это можно найти в моем личном деле.

Ну разве что про оперу нельзя. Но не думаю, что с его связями это проблема.

— Тогда продолжим. Мать — эмигрантка, бежала из Раграна после смены власти, которая привела к налету и последовавшему за ним голоду. Долгое время вы жили в столице, где еле сводили концы с концами, после чего перебрались в Мэйстон. Здесь ей удалось устроиться в отель горничной и встретить твоего отчима, который работал на производстве аккумуляторов для флайсов. У них задалось.

Невинные поглаживания и дрожь по телу. Я закусила губу, чтобы сохранить остатки самообладания, но оно давно приказало долго жить. Все тело превратилось в оголенный нерв, по которому бежали яркие всполохи предвкушения. От солнца уже болели глаза, поэтому я зажмурилась. Исключительно поэтому, а не потому что не было больше сил выносить его взгляд. Тяжелый и затягивающий, как вода на глубине.

— Ты его любила, как родного отца. И все бы хорошо, но после смерти матери этот парень решил, что даже родная дочь ему не нужна, и нашел себе другую семью. — Он резко отступил назад. — В результате твоя сестра трудный подросток, а ты сама, девочка из низов, не понаслышке знакома с тем, что такое нужда. Бралась за любую работу, чтобы накопить деньги на обучение. Поклялась, что никогда и ни от кого не станешь больше зависеть. Ни от мужчин, ни от обстоятельств.

Свобода оказалась горькой и отрезвляющей — в точности как его слова. Оставшись одна на безумной высоте, я глядела, как блестят вспененные волны Гельеры. Хотя, может, блестели не только волны. Глаза горели, а дышать было нечем, поэтому я не оборачивалась. Замерла, глядя на бесконечное движение внизу, дожидаясь, пока уймется сердце.

На самом деле отчим был неплохим человеком. Он безумно любил маму и справлялся с ее смертью по-своему, с другой женщиной. Хотя первые месяцы после ухода я отчаянно его ненавидела, потом это прошло. Надеюсь, Танни тоже сумеет простить.

— Хорошо подготовились, мейстр Халлоран. — Голос даже не дрожал. — Но вы по-прежнему ничего обо мне не знаете.

— До завтра, Леона.

Слезы уже не грозили затопить кабинет по самый плазменный монитор на стене, зато в груди горело от ненависти. Горело так, что я с трудом подавила желание потереть ее ладонью, разгоняя кровь и восстанавливая дыхание. Еще немного, и я его убью. Или мне сломают руку, что вероятнее. Поэтому быстрым шагом направилась к дверям, остановилась, только чтобы подхватить массивную золотую статуэтку в виде дерева. Размахнулась и от души запустила ею в монитор, висящий над столом. Черные брызги разлетелись в разные стороны, а я молнией вылетела из кабинета.

Пробежала мимо обалдевших секретарей, из приемной свернула наугад. Указатели привели к дальним лифтам — ви-

димо, именно к ним меня отправлял охранник. Вдавила кнопку вызова и, когда двери распахнулись, буквально влетела в какого-то мужчину.

— Осторожней, милая! — Меня подхватили под локоть.

— Риинский дракон тебе милая! — рывкнула, вырываясь.

Успела только углядеть белоснежные волосы, аккуратно зачесанные назад, серые глаза и волевой подбородок — прежде чем двери отрезали меня от незнакомца. К счастью, в кабине я оказалась одна. Привалилась к стене, не обращая внимания на стремительно приближающийся город. Обхватила себя руками, пытаясь унять крупную, сотрясающую все тело дрожь. Несколько минут назад я была преступно близка к тому, чтобы позволить иртехану делать все, что ему вздумается. Поднажми он самую малость, воспользуйся своей магией, голосом, и я бы растеклась под ним прямо в его кабинете.

Интересно, можно ли считать извинение удавшимся? Потому что Халлоран только что знатно меня поимел.

ГЛАВА 3

В руках Лэмерти Долливан — массажистки-волшебницы и по совместительству моей лучшей подруги — способно расслабиться даже промерзшее бревно. Но сегодня именно им я себя и чувствовала: напряжение отказывалось покидать тело, словно меня перенабили перьями, как неудавшуюся подушку. Музыка для релаксации звучала приглушенным фоном, сильные руки уверенно растирали плечи и спину, но я никак не могла перестать думать о случившемся на сто двадцать третьем этаже центра Лаувайс. Надеюсь, Лэм ничего не заметит, не хочется ее во все это вмешивать. Вздохнула и попыталась растечься по кушетке, от которой приятно пахло фруктовым маслом, вместо этого сдавленно ойкнула, когда жесткие пальцы прошлись по зажатым мышцам.

— Лапонька, так не пойдет. А ну рассказывай, что у тебя случилось?

Не заметит она, как же.

— Ничего особенного.

— А если подумать?

— С чего ты вообще взяла, что у меня что-то произошло?

— С того, что тебя колотило, пока ты раздевалась!
И ничего меня не колотило. Так, потряхивало слегка.

— Я замерзла.

— Ага. Кому другому вешай драконью чешую на уши.

М-да. Не отстанет ведь, пока не расскажешь.

— На меня напал иртхан.

— Надеюсь, ты хотела сказать «запал».

— Можно и так выразиться.

— Давай-ка перевернемся.

Я легла на спину и стянула с лица невесомую маску, чтобы видеть Лэм.

— Ну и?

— Я его послала.

Выщипанные идеальным мостиком брови приподнялись. Лэмерти умеет быть очаровательной — миниатюрная, с шоколадным цветом кожи и миндалевидными карими глазами, напоминает коллекционную куколку из магазина «Детское счастье». Вот уже несколько лет работает в «Пряном волшебстве», достаточно дорогом салоне, чтобы обеспечить себе неплохую жизнь. Мы с ней познакомились здесь же, когда я искала себе массажистку. А потом они через меня познакомились с Дрэйком, и теперь у них роман. Который длится уже давно и плавно подбирается к новому уровню — обручальной росписи на груди, аккуратно над сердцем.

— Что, настолько противный?

— Даже не представляешь насколько!

Вспомнила глаза Халлорана, его голос, и меня перекосило. Видимо, основательно, потому что Лэм нахмурилась и сочувственно покачала головой.

— В Ландстор-холле?

— Ага.

— Осторожней с иртханами, лапонька. У нас из эстетической косметологии одну девицу поперли только за то, что она на кого-то из них недовольно посмотрела.

Ну да. А я сегодня высшему визор расколотила.

Тяжело вздохнула и вернула маску на место.

— Все настолько ужасно? — Теперь Лэм массирует мягче.

Я прикрыла глаза, отдаваясь власти умелых рук. Ладно, получится или не получится отдохнуть — дело десятое. Но попробовать все-таки стоит.